

Светлана
АЛЕШИНА

Любовник в отставке

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Новая русская

Светлана Алешина
Любовник в отставке

«Научная книга»

2002

Алешина С.

Любовник в отставке / С. Алешина — «Научная книга»,
2002 — (Новая русская)

Расследование – ее хобби. Но Лариса Котова, хозяйка модного в городе ресторана, берется не за всякое дело. Оно обязательно должно ее заинтересовать. А тут... Знакомый мужа, полковник в отставке, а ныне удачливый бизнесмен, попросил всего-навсего узнать, тот ли человек жених его дочери, за которого себя выдает. Ларисе такая проверка – всего лишь день работы. Однако Лариса открывает в деле все новые нюансы. Быстро узнав биографию Арифа Гусейнова и не найдя никакого криминала, правда, выяснив, что он – типичный альфонс, она оказывается перед вопросом – кто же убил его жену? А вскоре и перед другим – кто и за что лишил жизни его брата, точно так же заколов кинжалом? И Лариса, потянув за одну тоненькую ниточку, начинает разматывать этот клубок...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Светлана Алешина

Любовник в отставке

Глава 1

Возвращаться домой после работы в собственном ресторане «Чайка» Ларисе Котовой почему-то не хотелось. То ли она боялась, что муж Евгений в очередной раз «развязал» и надрался, тем более что сегодня к нему собиралась нагрязнать компания давних знакомых, то ли встреча с этими людьми, давившими на Ларису излишней серьезностью, не радовала перспективой вынужденного общения. А вечер выдался такой волнующий, что поневоле тянуло на романтику и нечто поэтическое. В воздухе пахло озоном после недавней грозы, прошедший дождь словно умыл город, освежил и наполнил новыми красками улицы.

Лариса присела на скамейку под пышной зеленью каштанов, предусмотрительно расстелив на сиденье сухой полиэтиленовый пакет, вытащила из пачки любимую сигарету «Кент Лайтс» и, щелкнув элегантной зажигалкой, закурила. Народу в скверике почти не было, лишь изредка проходили мимо парочки влюбленных, и она грустно смотрела им вслед, вспоминая о том, как сама была когда-то влюблена в Котова. А теперь... Наверное, ее чувство совсем испарилось, ушло или, может, трансформировалось в нечто другое. Думать об этом сейчас означало только травить себя. И Лариса решила все-таки отправиться домой, хоть и не хотелось уходить из сквера.

В вечерних сумерках, освещенных рожками фонарей, подернутых тенью таинственности и ожидания некоей новизны, она брела домой. Сегодня она была без машины. С некоторых пор Лариса полюбила ходить пешком, тем более что ресторан находился совсем недалеко от дома. К тому же она чувствовала, что с годами – а очередной юбилей, увы, надвигался – теряет некую живость, быструю и легкость движений. У нее стало покалывать в боку, начала развиваться одышка. И с этим надо как-то бороться!

Дома ее ждал сюрприз. И не один.

Во-первых, Котов не надрался. Даже странно, но от него совсем не пахло алкоголем. Это был явный плюс. Видимо, на сей раз муж «завязал» все же крепко и пока «развязывать» не планировал.

Во-вторых, среди собравшихся у них дома друзей мужа присутствовало незнакомое Ларисе лицо с тяжелой квадратной нижней челюстью. Но за внешней брутальностью чудилось что-то наивное и непосредственное.

– Полковник Бураков Павел Андреевич. Прошу любить и жаловать! – официально и вместе с тем по-гвардейски браво представил нового приятеля Котов.

– Бывший полковник, – поправил его с улыбкой Бураков.

Лариса тоже представилась и выслушала ритуальности типа «очень приятно» и «Евгений очень лестно о вас отзывался».

– И чем же вы сейчас занимаетесь? – отдавая дань вежливости, спросила Лариса.

– Лара, да ты садись, садись, – засуетился вдруг Котов, пододвигая жене кресло и даже хватаясь за кофейник, чтобы наполнить ей чашку. – Мы тебя давно ждем.

– У меня свой консервный цех, – ответил тем временем на вопрос Ларисы Бураков. – Выпускаем тушенку, маринады, салаты разные. Так что тянемся потихоньку...

– Да ладно ты, не тяни резину, – неожиданно хлопнул Буракова по плечу Котов. – Давай по делу говори. – И он повернулся к Ларисе, многозначительно подняв вверх указательный палец и заговорщицки подмигнув: – У Павла Андреевича к тебе дело.

– Что же, вот так с ходу? – чуть замаялся бывший полковник.

– А чего канитель разводиться? Лариса у меня настоящий Шерлок Холмс!

«А ты – Ватсон, – мелькнула язвительная мысль у Ларисы. – А может быть, он все же выпил? Впрочем, хвастаться он любит даже больше, чем пить. Не своими успехами причем».

Ларисе не понравилось такое панибратское начало. Котов буквально выводил ее из себя своей бесцеремонностью. К тому же такое поведение мужа уже привлекло внимание остальных гостей, они прекратили разговоры и с любопытством уставились на образовавшуюся троицу.

Ко всему прочему именно сегодня Ларисе абсолютно не хотелось влезать в чужие проблемы. Хотелось какой-то романтики и хоть немного покоя. Лариса взглянула мельком на нового знакомого: он казался этаким простоватым мужиком, выбившимся в люди, и вызывал своеобразную симпатию, изрядно замешенную, правда, на иронии. Человек «в белой жилетке и желтых башмаках», как выразился бы писатель Чехов.

– Что же у вас за дело? – подавив вздох, спросила Лариса.

– Дело серьезное, – не дав открыть рот экс-полковнику, тут же заявил Котов. – По твоей части. Как ты понимаешь, не по ресторанной... Там, насколько мне известно, всем рулит твой незаменимый администратор, который только и умеет что глотку драть из-за каждого рубля. – Евгений не упустил случая позвонить на счет своего давнего недруга, Дмитрия Степановича Городова. Снова приняв напыщенный вид, Котов пытался играть руководящую роль в разговоре.

– Если у вас, Павел Андреевич, действительно какие-то затруднения, то я постараюсь вам помочь, – не обращая внимания на супруга, обратилась Лариса к Буракову. – Я так понимаю, речь идет о каком-то криминале?

– Дело нешуточное, – серьезно пробасил в ответ Павел Андреевич. – И связано не только с криминалом. Проблемы, можно сказать, личного, вернее даже, семейного характера.

Лариса невольно улыбнулась про себя его категоричности. Выглядел Бураков довольно неуклюже, и его формулировки тоже были какими-то неестественными. К тому же здорово мешал Котов своим постоянным желанием вклиниться в разговор и принять в нем живое участие. Поэтому Лариса решила, что удобнее будет поговорить с Бураковым наедине.

– Пройдемте в мою комнату, – предложила она. – Я предлагаю уединиться, чтобы спокойно обсудить ваши проблемы.

Ей не хотелось оказаться в роли ведущей телепередачи. Ведь если сейчас этот пышущий здоровьем крепыш начнет, отвечая на ее вопросы, громоподобным голосом вещать о своих проблемах, может быть, даже о том, что ему изменила благоверная, то все присутствующие будут внимать только этому, да еще, не дай бог, станут вставлять свои комментарии.

Бураков несколько замешкался и взглянул на Евгения, как бы испрашивая разрешения уединиться вместе с его женой. Тот великодушно махнул рукой – мол, давай, валяй.

– Да, конечно, – тут же согласился Бураков и четким армейским шагом проследовал за Ларисой.

Они прошли по коридору, поднялись на третий этаж многоуровневой квартиры Котовых и вскоре оказались в Ларисиной комнате.

– Пожалуйста, располагайтесь, – Котова показала полковнику на кресло.

После того как они уселись друг напротив друга и Лариса, закинув ногу на ногу, затаилась очередной сигаретой, Бураков наконец начал рассказ:

– Дело вот в чем. Моя дочь влюбилась.

Сказав это, он поднял глаза и впился взглядом в Ларису. Лицо его выражало полное непонимание того факта, что дочь влюбилась. И даже осуждение и неприятие сего аморального поступка.

«Котов вроде бы трезв, – размышляла Лариса, расшифровав взгляд своего визави, – этот тоже на ногах держится. Они что, розыгрыш устроили? Или полковник прямиком из какой-нибудь «горячей точки», где его контузило?»

Бураков еще долго бы выдерживал паузу, тупо буравя глазами хозяйку квартиры, если бы она не нарушила молчание самым простым вопросом:

– Ну и что?

– Как что! – Удивление полковника было неподдельным.

– Ей сколько лет? – на всякий случай уточнила Лариса.

– Двадцать четыре, – отрубил Бураков.

«Ну что ж, – усмехнулась про себя Котова, – возможно, я имею дело с отставшим от жизни папашей. Ему, может быть, хочется, чтобы дочь продолжала играть в куклы и «классики» вплоть до ухода на пенсию».

– Вполне нормальный возраст для любви, – сказала она вслух.

– Да я не это имею в виду! Пускай находит себе друга, жениха... Все дело в том, кого именно любить! – горячо заговорил Бураков.

– Я надеюсь, речь идет не о влюбленности, скажем, в подругу? – прервала Лариса. – Сразу скажу, что в этом случае я ничем помочь не смогу...

Вопрос Котовой заставил полковника побагроветь и строго насупить брови.

– Этого еще не хватало! – возмутился он. – Я бы убил ее на месте!

– Тогда кто же он? – продолжала выяснять Лариса личность таинственного возлюбленного. – Бандит? Проходимец? Человек не вашего круга?

Слова Ларисы заставили Буракова засветиться гордостью и важностью.

– И то, и другое, и третье. Но главное в том, что он... хачик! – выпалил он.

– То есть представитель кавказской национальности? – усмехнулась Лариса и, дождавшись утвердительного кивка Буракова, продолжила: – А у вас что, предубеждение против кавказцев?

– Я не фашист, – снова категорично отрубил Бураков. – Это так, в сердцах было сказано! Среди «черных» тоже хорошие ребята есть. У меня друг один есть, тоже военный в отставке, так он армянин. А сейчас и с азербайджанцами сотрудничать приходится. Поставщик мой, Рауф, он родом из Баку, мясо свежее мне привозит. Нормальные люди – они везде есть. Но этот... извиняюсь...

Павел Андреевич смутился и замолчал.

– Я предлагаю все-таки вам рассказать все по порядку, – сказала Лариса. – Скажите, кто он, сколько ему лет, как его зовут и почему вы считаете, что он бандит и проходимец. И главное, какой помощи вы ждете от меня? Только прошу вас, постарайтесь быть объективным в своих оценках.

– Это как? – уточнил Бураков.

– Я хотела бы узнать все как есть, – терпеливо пояснила Лариса. – Без лишних эмоций и обид. Расскажите обо всем так, как будто это не касается вас лично.

Бураков помрачнел и вздохнул, собираясь с мыслями.

– Хорошо, я постараюсь, – буркнул он. – Значит, так... Есть у меня дочь Вероника. Девочка хорошая, честная, не вертихвостка. Правильных взглядов на жизнь. Она вообще-то мужиками не очень интересуется, больше астрологией и этой, как ее... хероманией, что ли?

– Хиромантией, вы хотели сказать? – поправила его Лариса.

– Наверное, – пожал плечами Бураков. – По руке судьбы людям предсказывает, в бога верит. Но мне это не очень нравится.

– Почему?

– Ладно бы в церковь ходила, а то в секту. «Сознание Кришны» называется. Может, слышали про такую?

Лариса коротко кивнула. Кришнаиты в своих белых и шафрановых одеяниях с индийскими барабанами в руках уже давно стали явлением восточной экзотики на местном, тарасовском Арбате в летнее время.

– С этим обществом Вероника познакомилась через парня, – продолжил тем временем Бураков.

– То есть ваш без пяти минут зять – сектант?

– Нет, еще до Арифа был у нее один приятель, Серега. Парень как парень, на гитаре брэнчал в самодеятельности, мечтал звездой стать типа этого, как его... Агутина. Но потом не получилось там у него что-то, вот он в веру индийскую и подался. А чего ему? Лодырь, трудиться не любит физически. А у кришнаитов баланду какую-то сварганят без мяса и наяривают там... Правильно, они же не работают, им и хватает. Ну, Вероника моя за ним в секту и пошла. Индийские тряпки на себя надевала, ей даже имя там дали – Ямуна, так вроде.

– А как сейчас, она посещает общество?

– Не часто. Может, по праздникам и зайдет. Она же у меня не такая чокнутая, как Серега. Тот монахом стал, совсем крыша, что называется, поехала. Так что ему теперь не до Вероники. И слава богу. Она ведь у меня красивая, лучшего достойна. Правда... не повезло ей в одном, – вздохнул полковник.

– Что вы имеете в виду? – уточнила Лариса.

Бураков покраснел и потупил взор.

– Хромая она у меня. Нога одна короче другой, – пояснил он, глядя в пол.

– Почему же так получилось? – поинтересовалась Лариса.

– Дурацкая история! Дочка много занималась спортом в детстве. И однажды на тренировке упала неудачно, сломала ногу... Конечно, врачи наложили гипс, но нога срослась неправильно. Кость сошла с места, и ее нужно было растянуть и заново вставить в сустав. Так врачи потом объяснили. Но Вероника, как услышала, сразу стала кричать. Она боялась снова почувствовать боль, никому не давала дотронуться до ножки. И я не решился сделать ей больно, отказался от операции. Так и срослось... Упор ноги стал падать только на пятку. И теперь вот я думаю, что можно было все исправить, но в тот момент очень мне ее жалко стало...

Ларисе показалось, что она заметила на глазах Павла Андреевича слезы, и поспешила отвлечь собеседника от мрачных воспоминаний.

– А что не так с Арифом? – спросила она. – Я правильно назвала имя того, в кого она влюбилась?

– С этим... – Бураков сделал выразительную паузу, – Вероника познакомилась, когда ездила к матери в Потаково. Мы с первой женой в разводе, – пояснил Павел Андреевич. – Мать, я вам скажу, Антонина никудышная. Да и женой хорошей никогда не была. Яичницу и то у нее проблема приготовить! Я вечно голодный ходил. Все всухомятку или в солдатской столовой питался, – с обидой в голосе высказался полковник. – Дочь бросила на меня, а сама к любовнику укатила. Ладно, давняя история, что вспоминать! С меня тогда что взять было – одна зарплата да переезды из гарнизона в гарнизон! А у него машина, место в райисполкоме...

– Я прошу вас быть ближе к теме нашего разговора, – прервала Лариса.

– Хорошо... Перед отъездом Вероники в Потаково я попросил ее, раз уж она будет там, заехать к моему поставщику, Рауфу, о котором я вам уже говорил, и передать ему мой долг под расписку. Дочка – девочка сообразительная, справилась нормально. Только вот черт угораздил! – всплеснул руками Бураков. – Там-то как раз, в доме Рауфа, она и встретила Арифа Гусейнова.

– Когда это было? – уточнила Лариса.

– В августе прошлого года.

– И что он собой представляет, этот Ариф?

– Вроде он художник, только мало на него похож. Художники культурные должны быть, с длинными волосами, как на картине. Я сам видел в музее – когда пионером был, нас туда водили – «Портрет неизвестного художника» называется.

Непосредственность экс-полковника произвела на Ларису сильное впечатление. Она еле сдержалась, чтобы не засмеяться. Но Бураков был серьезен, говорил без тени иронии.

– На бандюка он похож! – категорично продолжил он. – Ху-дож-ник... В наколках, выражается по-блатному... Короче, не нравится он мне.

– А может быть, он вам не нравится просто потому, что азербайджанец?

– Я не националист, – повторился Бураков. – В принципе, если бы она нашла себе нормального мужика, пусть и кавказца, но с головой, я не скажу, чтобы уж очень обрадовался, но и препятствовать особо не стал бы. Другое дело Ариф. Если это его настоящее имя, конечно... Наглый, везде свой нос сует.

– И в чем же это выражается?

– Мою квартиру как собственный дом осматривает. Однажды я застал его шарящим по карманам моего пальто. Я сразу спросил – чего ему нужно, а он мне в лицо, нисколько не смущаясь, заявляет: «Здорово, пахан, бабки мне нужны позарез, не подогреешь?» Я ему говорю: «Я тебе не то что бабки, а по башке или по шее сейчас дам! Убирайся!» Ну, он постоял-постоял, потом говорит: «Все путем, отец, не кипятись, мы ж родня почти, не кипятись». А потом с презрением таким: «А на бабки ты, папа, жадный... Вот у нас на Кавказе никто не жадный!» На Кавказе... Да я вообще отметил, что он на руку нечист.

– Что, были еще какие-то случаи? – спросила Лариса.

– Да... – Бураков замялся. – Тут я до конца не уверен, конечно, за руку не поймал, но... Понимаете, у нас дома висел старинный кинжал. Так вот, после того, как этот Ариф появился, кинжал пропал. Сами подумайте, кто еще его мог взять?

– Пока не знаю, – покачала головой Лариса.

– Я много раз ставил вопрос ребром, но дочь, да и жена еще – за него горой! – продолжал Павел Андреевич.

– Это первая, что живет в Потакове, мать Вероники?

– Нет, моя нынешняя жена, Ирина ее зовут. Вероника ее тоже мамой называет. Как же иначе, с семи лет она все-таки девочку воспитывает, пока родная мать на курортах южных жизнь прожигала.

Бураков замолчал, видимо, обдумывая, что ему еще добавить. Лариса воспользовалась паузой и задала вполне резонный вопрос:

– Хорошо, я вас выслушала, мне все понятно, но... Что вы конкретно от меня хотите?

– Как что? – удивился Бураков. – Евгений Алексеевич говорил мне, что вы специалист по расследованию всяких криминалов...

– Но я не вижу пока никакого криминала.

– Вот это вы и должны найти!

– Что найти?

– Криминал.

– Вы меня извините, – усмехнулась Лариса, – но вы, видимо, не совсем представляете себе род моей деятельности. Я не могу искусственно создавать компромат там, где его нет. Я расследую совершенные преступления. И то не все, а только те, которые мне интересны. А здесь отсутствует сам предмет.

– Нет-нет, это вы меня не так поняли, – заторопился Бураков. – Я хочу только выяснить, кто такой этот Ариф на самом деле. Я ведь не могу пойти в милицию и спросить их – у меня там нет связей. А у вас они, как мне сказали, есть.

«Вот чертов болтун! – внутренне взъерилась Лариса на мужа. – Ничего не держится! Все готов рассказать! Видимо, болтовня и хвастовство заменяют ему пьянство. Одним пороком меньше, другим больше. Закон сохранения, так сказать».

Бураков тем временем торопливо продолжал:

– У меня даже есть подозрение, что зовут его вовсе не Ариф. И я вас прошу установить его личность. Если вы выясните, что он действительно Ариф Гусейнов и за ним не значится никаких грехов, то у меня к вам не будет больше никаких вопросов или претензий. Дальше я уже буду сам с дочерью разбираться. Пожалуйста, я ведь прошу о такой мелочи... Естественно, я не останусь в долгу. Сумму можете назвать сами.

В глазах отставного полковника отражалась мольба. Лариса задумалась. Выяснить то, о чем просил Бураков, скорее всего, не очень сложно и займет совсем мало времени. Причем сама заниматься этим Лариса не будет, а попросит своего старого приятеля подполковника Карташова. А тот наверняка поручит кому-нибудь из подчиненных. Бураков будет удовлетворен, к тому же заплатит. Лариса даже подумала, что готова отдать гонорар Карташову, который при встречах постоянно жалуется на материальное неблагополучие. Ей даже стало немного неловко, и она решила принять хоть какое-то участие в деле.

– У меня появилась идея – поговорить с вашей супругой и посмотреть на Веронику и Арифа.

– Ну, Вероника с этим своим... – Бураков, видимо, умышленно не называл жениха дочери по имени, – живет сейчас у нас на даче, на тридцать втором километре в сторону Сенной. Это после того, как я сказал, чтобы они не появлялись у нас дома. А с Ириной можно побеседовать прямо сейчас – если на машине поехать, то через пятнадцать минут будем у нас.

Лариса согласно кивнула головой и повела Буракова вниз. Услышав их шаги, из гостиной высунулась физиономия Котова.

– Я уезжаю ненадолго, – холодно бросила ему Лариса.

Котов внимательно посмотрел на нее и, не обнаружив во взгляде жены ничего для себя хорошего, поспешно закрыл дверь. Хотя Лариса отметила: муж был рад тому, что она согласилась помочь Буракову.

Полковник всю дорогу, сидя за рулем, высказывал свое негативное отношение к личности Арифа.

– Вечно моей дочке козлы всякие нравятся! То Серега с его закидонами, то теперь этот бандюга! А если из-за него Вероника в преступную группировку влезет? Ведь его даже Рауф сторонится. А он его двоюродный брат, между прочим! Только как родню и принимает. Рауф – мужик работающий, в России прочно обосновался с семьей, фермерством занимается, мастер на все руки – и тракторист, и механизатор. Цены таким людям нет. Ну и что, если нерусский? А Ариф – прощелыга и аферист! За счет Рауфа живет.

Они подъехали к девятиэтажке, каких было много в третьем микрорайоне спального района Тарасова. Быстро поднявшись на второй этаж, Бураков открыл дверь. Почти сразу же в прихожей появилась миловидная женщина лет сорока. Она была полновата, но полнота не портила ее, а даже придавала некий шарм. На даме был дорогой китайский халат с традиционными вышитыми драконами. Каштановые волосы на голове были уложены в высокую прическу, а в ушах покачивались тяжелые рубиновые серьги. Во всей ее внешности сквозило желание выглядеть не хуже других, как это диктовала примитивная мещанская добродетель.

– Здравствуйте, Лариса. Меня зовут Ирина Владимировна, мы про вас очень много слышаны, – взяла она с места в карьер. – Я как увидела вас, сразу поняла, что вы детектив!

Начало было обескураживающим.

«Короче, парочка – баран да ярочка», – подумала Лариса. а вслух спросила:

– Интересно, почему?

– У вас очень серьезный вид, – не задумываясь ответила Ирина Владимировна. – Проходите в гостиную, а я сейчас...

И скрылась в кухне. Вернулась она достаточно быстро, как раз в тот момент, когда Лариса достала свои сигареты.

– Курите, курите, – тут же заговорила хозяйка. – Это для комнатных растений полезно. А то у нас все некурящие. Кроме Арифа. Ну, они с Вероникой нечасто бывают здесь.

– Ладно, вы тут разговаривайте, а я пойду телевизор посмотрю, – с претензией на тактичность ляпнул Бураков и направился на кухню.

Когда женщины остались одни, Лариса начала:

– Я думаю, вы в курсе, почему я приехала?

– Да. Все дело в том, что Паша себе вообразил бог знает что... – Она манерно поджала губки.

– И все же хотелось бы узнать ваше мнение относительно этого пресловутого Арифа.

– А что тут понимать! – тут же эмоциональноотреагировала Ирина Владимировна. – Просто Паша – слишком хороший отец. Иногда даже чересчур хороший. Только не подумайте, что это высказывание мачехи. Мол, дочь неродная, значит, она за нее не переживает! А я, может, девочке ближе матери родной! С семи лет воспитываю. Ника – она с детства с норовом была, вся в Пашу... Может, и не сложились бы у нас такие хорошие отношения, если бы у нас с Пашей свои дети были. Но вот так случилось... Из-за меня. Ну, вы понимаете! – побабьи махнула она рукой и вздохнула. – И вот ласку свою материнскую я Нике-то и отдала. Как приняла ее в семь лет, такой и запомнила, дерзкой и своевольной. Вначале она меня не признавала, но потом мы с ней подружились. А Паша-то уж слишком ее опекал.

– Он перегибал палку?

– Можно сказать, что и так. К тому же он хотел сделать из девочки мальчика. Вот уж чему я как могла противилась! Не раз ссорились из-за этого. А Тоське-то, матери родной, и дела не было. Она только на день рождения и показывалась с тортиком. Поздравит Нику и весь вечер рассказывает гостям, как она в Сочи отдыхала, как в Москву съездила, какую роль сыграла.

– Она что, актриса? – удивилась Лариса.

– Да. В театре работает. Таким бабам замужем нечего делать. Красивая она, конечно. И фигура, и лицо, и все при ней. А души-то нет. Как манекен ходячий. А Паша, как один остался, решил воспитывать дочь в военном духе. Решимость прививал, силу воли... Она даже дзюдо занималась. Нет, может, это и неплохо, но... Сколько муж агрессии в девчонке развил! А мне оставалось только все сглаживать.

– И все-таки давайте перейдем к Ариффу, – остановила Лариса женщину, увлекшуюся воспоминаниями.

– Ариф хороший мужик. Правда, он постарше Ники, конечно... Тридцать лет ему. Но красив, черт нерусский! Умный, рассудительный. Я с ним беседовала не раз. Ну, грубоватый, может, но это с мужчинами. А с женщинами он уважительный.

– Дело в том, – снова перебила Лариса Ирину Владимировну, – что ваш муж опасается, вдруг у Арифа криминальное прошлое. И он хотел бы это выяснить.

– Я знаю, – махнула рукой жена Буракова. – Я так думаю, никакой он не бандит. Просто Паша недолюбливает кавказцев вообще. Это у него старые обиды, – понизила она голос, а вскоре и совсем перешла на шепот. – Тоська-то, его первая жена, с азербайджанцем ведь убежала на юг. Но у нее всегда ветер в голове был, и сейчас она такая же, ее могила только исправит. Кто ж теперь виноват? Нет, я не верю, что Ариф преступник. Кстати, в конце концов, можно брачный контракт составить, чтобы подстраховаться. Сейчас так делают.

– А чем Ариф занимается?

Ирина Владимировна аж расцвела.

– Ой, он творческая личность, – торжественно объявила она. – Песни блатные сам пишет, картины рисует красивые... Талантливый мужик. С таким рядом любая баба себя женщиной ощущает. И честно говоря, я завидую Веронике. Паша-то у меня не такой совсем. У него, как говорится, упал-отжался, раз-два-три! Сто приседаний, два наряда вне очереди! Нет, он хоро-

ший, конечно, – спохватилась она, – но все-таки... мужиковатый больно. А женщине иногда хочется ласки и нежности.

– Ну что ж, ваше мнение я выслушала, – прервала хозяйку квартиры Лариса. – Похоже, пора лично познакомиться с этой творческой личностью.

– Его можно застать на нашей даче, – тут же сказала Ирина Владимировна. – Сейчас Паша вам расскажет, как туда добраться.

И она позвала удалившегося на кухню мужа. Павел Андреевич не замедлил появиться. Он слегка нахмурился, когда Лариса сказала ему, что желает лично познакомиться с Арифом.

– Через знакомых в милиции я выясню, связан ли он с криминалом, – успокоила полковника Котова. – Но личное знакомство, я думаю, не помешает.

– Хорошо, – по-армейски отрубил Бураков. – Сейчас нарисую вам план дачного поселка...

* * *

Дача Бураковых находилась в маленьком поселке Добряково, на тридцать втором километре по шоссе к югу от Тарасова. Шоссе шло поверху, а внизу, под нависшими бурными утесами, сгрудилось полтора десятка домов, словно в скученности этой был какой-то никому не понятный смысл. Утро выдалось тихим и прохладным, но небо затянуло облаками, и вид у поселка казался мрачноватым. Лариса свернула с шоссе налево и покатила по разбитой дороге, упирившейся в тупик. Во дворике бураковского особняка она заметила вишневую «девятку». Бураков говорил ей, что у Вероники есть своя машина, и это, по всей видимости, она и была.

Вдоль домов тянулась типичная деревенская улица, разве что заасфальтированная лет пять назад, но уже нуждавшаяся в ремонте. В узких просветах между строениями виднелся сосновый бор.

Лариса закрыла дверцу своего автомобиля и позвонила в звонок у калитки. В глубине дома что-то невнятно прокричал мужской голос. Лариса еще немного постояла, подождала и хотела было уже сама войти внутрь, как на веранде показался небритый мужчина лет тридцати, одетый в борцовку прямо поверх мощного торса и в спортивные брюки. Он был коротко острижен, и по его недовольному взгляду Лариса поняла, что он был чем-то занят.

Мужчина выглядел колоритно. В нем сразу был замечен восточный тип, и он не был лишен привлекательности, однако красавцем мужчину Лариса бы не назвала. Только довольно высокий рост и ладная фигура должны были бы, по ее мнению, выделять его из толпы подобных небритых личностей, в изобилии присутствующих на тарасовских рынках.

– Кто там? – подал голос кавказец. – Я же кричу – калитка открыта!

– Моя фамилия Котова. Я приехала посмотреть дом.

Небритый недоуменно уставился на Ларису.

– А что стряслось с домом? – нахмурил он брови.

– Надеюсь, что ничего. Я агент из риелторской фирмы «Русская недвижимость». Павел Андреевич хочет сдать дачу.

– Старик совсем рехнулся, – прокомментировал мужчина.

Лариса отметила, что говорит он практически без акцента, и если бы не внешность, можно было бы вообще не понять, откуда он родом.

– Ему что, денег не хватает?

Он произнес это так, словно назвать хозяина дачи по имени было равнозначно тому, чтобы произнести нецензурное слово.

– На этот счет я не информирована. Дом мне нужно осмотреть, – сухо ответила Лариса. – Правда, мне не сказали, что здесь кто-то живет. Вы квартирант?

– Я муж его дочери, – уверенно заявил Ариф.

Лариса еще раз внимательно взглянула на него. И несмотря на то, что женская часть семьи Бураковых симпатизировала Ариффу, Ларисе он не понравился. Хотя и отметила про себя, что он вполне может иметь успех у определенной части женщин. Правильный греческий профиль, плоский живот и широкая грудь, глаза по-восточному выразительные... В цепком взгляде парня чувствовалась сдержанная сила, но в то же время в нем сквозило что-то угрюмое. Было заметно, что в свои тридцать лет он, что называется, повидал виды.

Руки мужчины были измазаны в свежей краске. В ней же были лицо и босые ноги. А на шее, как заметила Лариса, болталась золотая цепочка с каким-то мусульманским медальоном.

– Если честно, это его право. Пусть сдает, кому хочет. Я все равно на днях свалю отсюда. – Арифф посмотрел на свои руки и пошевелил разноцветными пальцами. – Кончу работу, и поминай как звали.

– Вы красите дом?

Арифф взглянул на Ларису с легким презрением.

– В жизни всякое делать приходилось, даже малярить. Но основное мое дело – это живопись и графика. Я художник, – с нажимом высказался он.

– Да я не хотела вас обидеть. Приятно иметь дело с живописцем.

– Ладно, если уж приехали, так осмотрите дачу, – великодушно разрешил Арифф, приглашая Ларису войти. – Тут можно целый пансионат открыть. А в газете рекламу пропустить: «Дом отдыха старика Буракова».

– Вы очень любезны, – Котова мягко улыбнулась.

Арифф пропустил гостью в дом. Если не считать кухни за перегородкой слева, большая комната занимала весь этаж. Она была просторной, с высоким потолком и дубовым паркетом, недавно натертым. Мебель стояла добротная, с обивкой из бежевой кожи. Справа – лестница вниз, устланная ковровой дорожкой, с чугунными перилами. Напротив – камин из красного кирпича. В дальнем конце комнаты, выходящем окнами на сосновый бор, по эту сторону от раздвижной стеклянной двери на запачканном краской брезенте стоял мольберт с холстом.

Арифф двинулся через комнату с грацией хищника, выслеживающего добычу, и встал перед мольбертом. Его небрежное радушие слегка сбивало с толку. Лариса ожидала несколько другого – криков, может быть, даже неблагопристойных выходок. Она заметила, что Арифф напряжен, но умело скрывает это. Он смотрел на холст так, словно был готов разорвать его на куски. Быстрым движением он схватил похожую на поднос палитру, повозил кистью в пятне краски, а потом стал водить ею по холсту с такой силой, что напряглись мускулы на плече. Через вращающиеся двери Лариса прошла на кухню.

Газовая плита, холодильник, мойка из нержавеющей стали – все сверкало невероятной чистотой. Лариса заглянула в кухонные шкафы и увидела массу консервных банок. Здесь было все – от консервированных бобов до трюфелей. Сделав вывод, что эти продукты питания произведены фирмой Бураковых, Лариса подумала: их наличие здесь могло бы послужить хорошей рекламой фирме, мол, хозяева что производят, то и едят. А как женщина она поняла другое: Вероника увлеченно играла в образцовую хозяйку.

Лариса поднялась по деревянной лестнице вверх. Ей было слышно, как Арифф насвистывает мотив модной песенки. На втором этаже находились две спальни: ближняя – больше, дальняя – меньше, а между ними что-то вроде кабинета. Во второй спальне не было ничего, кроме двуспальной кровати с голым матрасом и подушками без наволочек.

На балкон вели раздвижные стеклянные двери. На большой кровати с желтым покрывалом в первой спальне лежала аккуратно сложенная женская одежда. На комодке – сумочка из дорогой кожи, с затейливой застежкой в виде змейки. Лариса открыла ее и обнаружила внутри красный кожаный бумажник, а в нем несколько крупных и мелких купюр и водительские права на имя Бураковой Вероники Павловны.

Гостя заглянула и в платяной шкаф-купе. В нем совсем не было женской одежды и очень мало присутствовало мужской. Одиноко висел костюм из светлой шерсти с ярлыком модной фирмы. Брюки и пиджак, находившиеся рядом, вполне возможно, были куплены где-нибудь на рынке, равно как и новые туфли на полочке внизу. В самом углу стоял выдавший виды чемодан. Лариса приподняла его. Похоже, он был пуст.

И тут Лариса услышала, как за ее спиной отворилась дверь, и медленно обернулась. В проходе стояла платиновая блондинка в летнем зеленом платье, открывавшем плечи и верхнюю часть груди.

– Кто вы такая? – спросила она.

Лариса слегка смутилась, но не подала виду, сообразив, что блондинка не заметила, как она рыскала по шкафам в комнате. Котова улыбнулась и повторила девице свою легенду о риелторской фирме.

– Отец никогда не сдавал дом, – подозрительно заметила та.

– Значит, он изменил своим привычкам.

– Я понимаю почему.

Голос Вероники был высоким и даже тонким.

– И почему же? – поинтересовалась Лариса.

– Вас это не касается.

Вероника смахнула с лица непослушную челку, обнажив миру сердитый взгляд. Лариса отметила про себя нечто общее между отцом и дочерью. Какое-то упрямое желание отстоять свою точку зрения и некую скрытую агрессивность. Кажется, и сама девушка знала об этом. Не исключено, что она постоянно думала, что никому не нужна из-за своей хромоты.

Но вот Вероника провела по лицу пальцами с серебряными ноготками, униженными огромными серебряными кольцами с выпуклыми камнями, и как бы стерла с него злобное выражение. Лариса еще раз извинилась за вторжение и сказала, что ей осталось осмотреть ванную, а уж потом она освободит хозяев от своего присутствия.

Котова спустилась на первый этаж и увидела увлеченного работой Арифа. Он был весь в испарине и полностью погружен в себя. Лариса остановилась за спиной художника и стала рассматривать полотно. Это была одна из тех картин, про которую только автор знает, окончена она или нет. Лариса в жизни не видела ничего подобного. Среди клубов дыма вырисовывалась ссутулившаяся фигура типичного уркагана. На его голых плечах были вытатуированы погоны, а взгляд исподлобья не предвещал, как показалось Ларисе, ничего хорошего.

Картина была выполнена четко, в классической манере, и если бы не уголовный облик изображенного на портрете мужчины, то она вполне бы сошла за полотно какого-нибудь фламандца шестнадцатого века.

Ариф отступил чуть назад и наткнулся на Ларису. Окинул ее угрюмым, сосредоточенным взглядом.

– Что, нравится? – спросил он.

– Довольно интересно, – уклончиво ответствовала Лариса. – Как называется это полотно?

– «Некоронованный король», – задумчиво ответил Ариф. – Так что, вы осмотрели дачу?

– Да, спасибо, я закончила. Вы когда собираетесь съезжать?

– Не знаю, это не от меня зависит. – Вместо недавней сосредоточенности во взгляде Арифа появилось напряжение.

– Вы же говорили, что на днях, – напомнила Лариса.

– Может быть, через неделю, а может, и раньше, – рассеянно произнес Ариф.

– Через неделю, – донесся сверху голос Вероники.

Она, слегка прихрамывая, спустилась по лестнице, обошла мольберт и восхищенно воскликнула:

– Милый, ты просто гений! Это настоящий шедевр.

Она нежно обняла Арифа за плечи и посмотрела на него с тем обожанием, с каким дети воспринимают любимого и дорогого для них взрослого человека.

– Но мы съедем только в том случае, если ты окончательно скажешь «да», – продолжила девушка, не обращая внимания на Ларису и полностью сосредоточившись взглядом на Ариффе. – На отца не стоит обращать большого внимания.

Ариф опустил голову и помотал ею. Тревога переключалась из глаз к уголкам губ.

– Детка, я плохо соображаю, когда работаю. У нас все остается в силе, – тихо проговорил он. – В конце концов, это дом твоего отца, и мне здесь больше нечего делать.

– А как же я? Мы же поедем вместе! – жалобно, как козочка, заблеяла Вероника.

Лариса отметила, что с голосом дочери Буракова произошла какая-то метаморфоза. Там, наверху, она говорила решительно и уверенно, здесь же голос стал дрожать. Да и во всем облике девушки проскальзывала какая-то подбострастность, несамостоятельность.

– Куда же я без тебя, детка, – поспешил успокоить ее Ариф. – Едем вместе.

– Я счастлива! – тут же непосредственно воскликнула Вероника.

– Тебя нетрудно осчастливить. – В голосе Арифа зазвучало подобие иронии.

А Вероника, казалось, забыла о присутствии Ларисы, а может быть, оно ее и не волновало. Девчонка попыталась обнять своего возлюбленного, но тот легонько оттолкнул ее ребрами ладоней, расставив пальцы, чтобы не запачкать ее платье.

– Не прикасайся ко мне, – властно и в то же время спокойно сказал Ариф. – Я же грязный...

– Для меня ты самый чистый, самый святой! Я люблю тебя!

– Дурочка! – произнес Ариф не очень-то ласково.

– Люблю тебя, обожаю, сладкий мой...

Она приблизилась и поцеловала его в губы. Тот стоял и не сопротивлялся порыву ее страсти, расставив в стороны грязные руки. Он смотрел в сторону Ларисы. Его выразительные восточные глаза были широко раскрыты, а в них ясно читалось: «Черт, когда же она успокоится!»

В принципе, Котовой делать здесь больше было нечего, и она направилась в сторону выхода из дачи, размышляя над тем, что увидела. Не успела Лариса дойти до машины, как услышала позади цокот каблучков по деревянному настилу. Ее нагоняла Вероника своей неуклюжей походкой.

– Ариф сказал мне, что ваша фамилия Котова. Вы что, приехали шпионить? – жестко спросила она.

Не дождавшись ответа, она вдруг схватила Ларису за руку и начала трясти.

– Что вы хотите? Что я вам сделала? – изумленно и даже испуганно вскрикнула Лариса. – Я не собираюсь причинять вам неприятности!

– Зато вы в сговоре с моим отцом против любимого мной человека! Я слышала, как отец с матерью говорили про детектива Котову! Мне все ясно! А отец надоел мне уже со своими глупостями.

– Во-первых, это не сговор, просто меня попросили разобраться, – постаралась спокойно парировать обвинения Вероники Лариса. – А во-вторых, отец считает, что защищает вас.

– Он разрушает мое счастье, – упрямо стояла на своем Вероника. – А вы шляетесь по чужим домам и прикидываетесь бог знает кем.

– Я не шляюсь, – вдруг обиделась Лариса.

– Ладно, давайте обо всем забудем, – неожиданно переменилась в лице Вероника и упреждающе подняла руки вверх. – Давайте так – я вам дам двести долларов, а вы забудете все ваши поиски. Идет?

Лариса была несколько ошарашена таким поворотом дела, но постаралась не подать виду. Выдержав небольшую паузу, она осторожно спросила:

– Вероника, а вас что, не интересует биография вашего жениха?

– Все, что мне нужно, я знаю и без вас, – снова отрезала она, вернувшись к прежнему, недоброжелательному тону.

– А что именно вы знаете?

– То, что он обаятелен, талантлив и много испытал в жизни. А теперь, получив возможность спокойно заниматься живописью, он многого добьется. Я хочу помочь ему состояться в творчестве.

Наступила пауза. Лариса поняла, что разговаривать с Вероникой бесполезно – она во власти своих чувств и вряд ли прислушается к голосу разума, который в данный момент олицетворяла собой Котова. Она жила, постоянно находясь в какой-то эйфории, которая могла оказаться на самом деле похуже любого наркотика. Попутно Лариса отметила, что у Вероники – красивое сильное тело, и только хромота слегка портила ее.

– Ну что ж, в таком случае я желаю вам успехов, Вероника, – улыбнулась Лариса. – Не беспокойтесь, я больше не приду сюда. Всего хорошего.

Проговорив эти доброжелательные слова, Котова направилась к машине. Вероника осталась стоять на том же месте. Она, видимо, раздумывала, сказать ли ей что-нибудь или промолчать. Но так ничего и не надумала. Лариса уже выезжала на дорогу.

Глава 2

Перед глазами Ларисы все еще стояла маленькая любовная сценка, свидетельницей которой она стала на даче Буракова. Сейчас она возвращалась в Тарасов, и ей вдруг захотелось перекусить. Лариса посмотрела на часы и прикинула, что у себя в ресторане она будет только через полчаса. А может быть, и позже – возможны пробки на Астраханском проспекте, где ремонтировали дорогу. Поэтому неказистая вывеска «Экспресс-кафе», которая красовалась на пересечении автомагистрали и ответвления на Добряково, привлекла внимание Ларисы.

Обычно она не пользовалась услугами подобных заведений – ей, владелице элитного ресторана, такое просто не пристало. Но сейчас решила – под ложечкой прямо-таки засосало от голода.

Едва войдя в помещение «Экспресс-кафе», Лариса ощутила запах жареного мяса. Впрочем, жареным его можно было назвать с большой натяжкой, скорее сгоревшим. На прилавке под стеклом Лариса обнаружила пирожки и беляши, приготовленные наверняка на уже несколько раз использованном подсолнечном масле. Присутствовали также котлеты сомнительного происхождения и пять видов пирожных. Также меню предлагало кур-гриль, цыплят табака, суп-харчо и салат из свежей капусты и моркови под амбициозным названием «Русская красавица».

По-видимому, это было самое достойное и, во всяком случае, самое безопасное блюдо из всех представленных. Поэтому Лариса заказала именно его, присовокупив к нему чашку кофе и кекс.

Полная женщина за стойкой, олицетворяя собой уходящий в прошлое незатейливый советский сервис, держалась так, словно всю жизнь прождала здесь кого угодно, только не Ларису. Она была этаким реликтом, сохранившимся, к счастью, только в редких местах, таких, например, как это, в отрыве от городской цивилизации.

Дегустация пищи «Экспресс-кафе», откровенно говоря, настроения не прибавляло. В «Русской красавице» совсем не чувствовалось масла, а кекс хотя и был свежим, но разочаровывал отсутствием сахара и яиц, напоминая по вкусу обычную булку. Кофе был несладким и некрепким. Но чего еще можно было ожидать от этой забегаловки?

Внимание Ларисы неожиданно привлекла компания молодых людей и девушек. Они с аппетитом поглощали горячее харчо и несъедобные на вид котлеты. Их было шестеро: четверо ребят и две девушки с обесцвеченными перекистью водорода волосами. Время от времени высокий, уверенно державшийся парень отпускал реплики по поводу какого-то певца, и все, затаив дыхание, слушали его. Особенно девушка в кожаной куртке с металлическими заклепками. Складывалось впечатление, что речь шла о верховном божестве их неформального племени.

Лариса невольно отметила, что говоривший парень очень красив. Возможно, эту красоту подчеркивало дорогое коричневое пальто, явно сшитое хорошим модельером. Но он носил его вкуче с полинялыми джинсами, толстовкой и банданой, отчего пальто казалось каким-то неуместным.

Засмотревшись на парня, Лариса чуть не прозевала вишневую «девятку», которая оказалась из-за крутого поворота на склоне.

Когда автомобиль поравнялся с кафе, Лариса заметила, что за рулем сидела сама Вероника, а ее горячий кавказец находился рядом. Оставив недоеденное и недопитое на столе, Лариса быстро покинула кафе и устремилась к машине. Спустя полминуты она уже сидела за рулем «Ауди», пристроившись в хвост «девятке».

Вскоре «девятка» въехала в городскую черту и свернула в сторону Трофимовского моста. «Интересно, куда это они?» – мелькнула мысль в голове у Ларисы. Держась за руль одной рукой,

другой она взяла мобильник и, притормозив на одном из светофоров, набрала домашний номер Бураковых. Трубку взяла Ирина Владимировна.

– Возможно, они едут к тетке Вероники, она живет как раз в районе Трофимовского моста. Записывайте адрес: улица Поликарпова, дом семь. Это в частном секторе.

Лариса поблагодарила за столь нужную информацию и отправилась по указанному адресу. Вскоре извилистая дорога привела ее к дому с живой изгородью, за которой находился небольшой сад. Во дворике стояла вишневая «девятка».

«Значит, не ошиблась», – удовлетворенно подумала Лариса и в этот момент заметила, что над крышей машины возвышалась голова отставного полковника Буракова. Он что-то очень громко кричал. Ларисе даже с улицы были слышны отдельные слова, среди которых она четко различила ругательства: «Нахлебник! Альфонс! Сволочь!»

Лариса вышла из машины и подошла вплотную к эпицентру событий. Она увидела, что в руках Павел Андреевич держит двустволку. Напротив Буракова стоял Ариф и что-то говорил ему в ответ, но что именно, Котовой разобрать не удалось. Но после его высказываний бураковская двустволка уперлась в грудь Арифа. Художник попытался ухватиться за ружье. Полковник сделал шаг назад, и тут Ариф спокойным голосом заявил:

– Ну давайте, стреляйте. Вас по крайней мере выведут на чистую воду.

Но взглядом он буквально прожигал Буракова, которого внешнее спокойствие Арифа в этой ситуации, похоже, начало злить.

– Мое терпение может лопнуть, и я замочу тебя! – закричал полковник.

А Ариф только рассмеялся:

– Ну-ну, комедия только начинается! Комики сегодня в ударе.

Услышав все это и поняв, что ничем хорошим подобная ситуация не может закончиться, Лариса решительно вошла в калитку и оказалась во дворе, никем не замеченная. Медленно она двинулась к спорящим и тут увидела на крыльце деревянного дома женщину лет пятидесяти, с испугом взиравшую на застывших в боевой готовности мужчин. Лариса поняла, что пора разрушить это неустойчивое и сомнительное равновесие боевых позиций.

Стало тихо. Тишину нарушало только дыхание мужчин, легкий треск сухих веток под ногами Ларисы и чирикание птиц, облюбовавших телевизионную антенну. Лариса поравнялась с Арифом и Бураковым, но они даже не взглянули на нее. Мужчины не касались друг друга, но на их лицах было такое выражение, словно они сцепились в смертельной схватке.

– Здравствуйте, – миролюбиво заявила о своем присутствии Лариса. – Со стороны складывается впечатление, что вы репетируете сцену из боевика. Это так?

Бураков повернул к Ларисе искаженное злобой лицо. Ружье тоже повернулось в ее сторону, но тут же, как бы опомнившись, Бураков опустил оружие.

– Извините, этот тип оскорбил меня.

– По-моему, оскорбления были взаимными, – осторожно заметила Лариса.

– Но вы же не слышали начало нашего разговора!

– А что слушать-то вас, – вмешалась женщина на крыльце, вышедшая наконец из молчаливого ступора. – Оба хороши. Вы что, приехали ко мне убивать друг друга, а я потом отвечай, да?

Лариса уже догадалась, что, по всей видимости, это и есть тетка Вероники.

– Он оскорбил меня, подлец, – злобно повторил Бураков.

– И все-таки я считаю, – решила охладить его пыл Лариса, – нужно поскорее прекратить вашу стычку. Вы же так печетесь о собственной репутации. Вы что, не понимаете, чем кончаются подобные скандалы?

– Чем же?

– Большими заголовками в газетах, судебными разбирательствами и тюрьмой. Вам это надо? – в упор глядя на Буракова, спросила Котова.

Потом она повернула голову к Ариффу и обратилась уже к нему:

– А вам следовало бы побольше молчать. Ведь Павел Андреевич, находясь в состоянии аффекта, запросто мог заставить вас замолчать навсегда.

– Мне наплевать! – Ариф смачно, по-бандитски сплюнул себе под ноги и направился к машине.

И тут Лариса заметила, что Вероника все это время сидела за рулем в машине и плакала. Ариф открыл дверцу и уселся рядом. Он полуобнял свою подругу, пытаясь таким образом ее утешить. Бураков же, пытаясь злобой, прошел в дом, оттолкнув рыдающую сестру, которая, похоже, впала в истеричное состояние под воздействием всего случившегося. Она смотрела то на брата, то на двустовку, словно не понимая, как оружие могло очутиться в его руках. Лариса оставила молодых людей без внимания и прошла вслед за бывшим полковником в дом. Войдя внутрь, Бураков устало плюхнулся в плюшевое кресло и потребовал у сестры холодной воды. Поскольку женщина продолжала реветь, он прикрикнул:

– Ты что, оглохла, что ли? – после чего грязно выругался. Обернувшись к Ларисе, Бураков пробормотал «извините» и замялся.

Лариса увидела, что руки у полковника дрожат, а под глазами набрякли мешки.

– Он вторгся в мою жизнь, завладел самым дорогим, что у меня есть, – моей дочерью! – завел свою пластинку Бураков.

– Вы говорите о дочери как о собственности, – не выдержала Лариса.

– Я должен ее защищать. Если не я, то кто? И вообще, что вы хотите? Если полчаса назад она сообщила мне, что ждет от него ребенка и собирается идти в загс с этим... – Полковник снова выругался, но теперь и не подумал извиняться.

– Она могла это сказать просто в эмоциональном порыве, – возразила Лариса. – Хотя если она действительно беременна, то скорее всего соберется рожать. И вы – уж извините – вряд ли сможете ее переубедить.

Бураков кинул злобный взгляд в окно, за которым виднелась вишневая «девятка». Вероника с Арифом все еще не уехали и, по-видимому, сидели в салоне. А Бураков продолжал говорить. Однако его речь свелась к грубым оскорблениям в адрес приятеля дочери. Так он и сидел, награждая как Арифа, так и всех кавказцев красноречивыми эпитетами, и тут на пороге появилась заплаканная Вероника.

– Папа, зачем ты его обидел? Папа, так нельзя! Ты хочешь мне горя? А говоришь, что любишь меня.

Полковник, кажется, хотел что-то возразить, но поток грязных ругательств не так просто было остановить, они вылетали из уст разъяренного отставника как бы сами собой. Вероника громко крикнула: «Прощай, папа! Больше я тебя видеть не хочу!» – и хлопнула дверь. Бураков бросился было вслед за ней, но Лариса удержала его, положив ладонь ему на плечо:

– Этим вы вряд ли поможете.

На глазах полковника неожиданно выступили скупые мужские слезы. Он грустно, с обидой посмотрел во двор через окно и увидел, как его сестра обнимала на прощание племянницу. Вскоре машина выехала через открытые ворота, и хозяйка дома пошла закрывать их.

Потом она вернулась в дом и, не глядя на брата, принялась собирать со стола посуду. Бураков мрачно и насупленно наблюдал за ее действиями, а затем обратился к Ларисе:

– Ну вот что... что теперь делать?!

– Прежде всего успокоиться, – посоветовала Лариса. – Я думаю, ничего страшного не случится. Просто вам нужно помягче посмотреть на ситуацию и попытаться принять ее. Тем более если ваша дочь действительно ждет ребенка от Арифа.

При этих словах лицо Буракова перекошилось, но Лариса продолжала:

– Если вы не будете столь резки и категоричны, то все вполне может быть хорошо. Вероника вернется, и тогда постарайтесь наладить с ней отношения. И не мешало бы то же самое сделать с Арифом.

– Еще бы знать, что его зовут именно Ариф... – пробурчал себе под нос полковник и взглянул на Ларису. – Вам пока ничего не удалось узнать по вашим каналам?

– Я попросила своего знакомого сделать все, что в его силах, – пожала плечами Лариса. – Пока остается только ждать.

– А вы не могли бы ему позвонить? – попросил Бураков, которому ждать, как видно, не хотелось ни минуты.

Лариса со вздохом достала свой мобильник и набрала номер Карташова. Однако ей ответили, что Олега Валерьяновича нет на месте и уже не будет. Отключив связь, Лариса повернулась к Павлу Андреевичу:

– До завтра ничего не удастся выяснить. Так что я отправляюсь домой. И вам советую отправиться к жене. А завтра я вам позвоню. Все.

Бураков кивнул с недовольным видом, но спорить не стал. Лариса попрощалась с ним и хозяйкой и пошла к своей машине.

* * *

Наутро нетерпеливый Павел Андреевич позвонил ей сам. Услышав его голос, Лариса вынуждена была сказать, что еще не связывалась с подполковником Карташовым. Бураков долго и нудно упрашивал ее позвонить прямо сейчас, и Лариса в раздражении набрала номер Олега Валерьяновича. Того на месте снова не оказалось, и Бураков неожиданно сказал:

– Лариса Викторовна, у меня к вам другое предложение. Еще более выгодное для вас. Ариф Арифом, но мне важно вернуть дочь. Вернуть ее домой. А прежде ее нужно найти. Вот что меня сейчас больше всего заботит.

– И что же? – удивилась Лариса.

– Помогите найти ее, – умоляюще проговорил он. – Я уверен, что они поехали на дачу. Им больше некуда деваться! Я подумал над вашими вчерашними словами насчет того, что мне не стоит больше ругаться с дочерью, и решил вас попросить съездить туда. Понимаете, снова увидев ее с этим... я могу не сдержаться, опять вспылить и все испортить. А мне этого совсем не хочется. Прошу вас – найдите ее и уговорите приехать ко мне. Скажите, что я ни одного резкого слова ей не скажу, что я настроен очень мирно. Только пусть она приедет одна. Я вам заплачу обязательно, гораздо больше заплачу! Только привезите ее!

Таким голос полковника Лариса еще не слышала.

– А... если их там нет? – осторожно спросила она.

– Если нет... – растерялся он. – Да нет же, они должны быть там. Где им еще быть?

Бураков на некоторое время задумался, а потом почти радостно выдал:

– Если их там нет, значит, надо искать в Потакове. Там живет моя первая жена Антонина, мать Вероники. Она к этому прошельге благоволит. Так что они могут у нее кантоваться.

– А если их и там нет?

– Ну, уж если и там нет, – вздохнул Бураков в трубку, – значит, приезжайте ко мне, и мы с вами обговорим все насчет поисков Вероники. Вы же должны знать, как их проводить?

– Вообще-то я чаще всего ищу преступника, а не пропавшего человека, – заметила Лариса. – И ищу не абы где, а вычисляю его кандидатуру. Здесь же совсем другой случай.

– Все равно, все равно, – не слушая ее, продолжал Бураков. – У вас есть опыт, и вообще вы умная женщина. Одним словом, поезжайте.

– Хорошо, – решительно сказала Лариса, – только на всякий случай я заеду к вам за ключом от дачи. Возможно, он понадобится.

– Конечно, – согласился Бураков.

Ключ действительно понадобился – дача в Добрякове была пуста. Это было видно сразу. Лариса открыла ключом дверь и вошла внутрь. В течение получаса она внимательно осматривала дом. В комнате наверху ничего не изменилось, за исключением того, что из шкафа исчезла кое-какая одежда.

Уже под конец своего осмотра Лариса догадалась заглянуть в корзину с мусором и обнаружила в ней железнодорожные билеты двухнедельной давности на имена Бураковой В.П. и Амирбекова Р.О. Места находились рядом в одном купе.

«Ну и кто же он такой, неизвестный спутник Вероники? – начала размышлять Лариса. – »Амирбеков Р. О.» совсем не похоже на «Арифа Гусейнова». Остается два варианта: или Вероника ехала из Потакова в Тарасов с каким-то другим кавказцем, а именно с неким Амирбековым, или Гусейнов совсем не Гусейнов. И следовательно, Бураков прав: Ариф – темный человек, выдающий себя за другого».

Лариса вернулась в большую комнату и снова тщательно ее осмотрела. Теперь у нее сложилось впечатление, что мысль уехать пришла к Веронике и Ариффу внезапно. Об этом свидетельствовал хотя бы тот факт, что они не взяли даже картины Арифа. Чего же они испугались? Неужели выходок несдержанного Буракова? Никаких зацепок, однако, кроме билета на имя Амирбекова, у Ларисы не было.

Направившись было к выходу, Котова вернулась еще раз и напрямик подошла к картине, поблескивавшей на мольберте не просохшими еще красками. При свете, проникавшем через стеклянные двери, кобальтовое пятно, то самое, которое художник наносил на холст при Ларисе, смотрело сейчас на нее внимательным синим глазом. Картина притягивала. Человек с вытатуированными на плечах погонами чему-то, казалось, цинично ухмылялся и даже как-то укорял. Ларисе неожиданно захотелось взять картину с собой и показать ее знающим людям. Если Ариф хоть как-то известен в тарасовской художественной тусовке, его руку должны узнать. Однако картина была чужой, и Лариса решила все-таки не уносить ее с собой. Да и краски еще не высохли, могли смазаться. Котова поступила по-другому: у нее в машине был фотоаппарат, и она сделала несколько снимков.

По дороге домой Лариса вновь заехала в «Экспресс-кафе». Будучи осведомленной о местных дозировках кофе, Лариса заказала тройную порцию. Толстуха за стойкой снисходительно оглядела посетительницу и с крайне недовольным видом поставила чашку на прилавок.

Усевшись за столик, Лариса снова, как и вчера, скосила взгляд в угол. Там по-прежнему тусовалась молодежь. В отличие от вчерашнего к зрительной экзотике добавилась еще и слуховая. На маленькой сцене в глубине кафе выступала самодеятельная рок-группа. Длинноволосый музыкант пытался что-то выжать из своей глотки, но получалось у него это дико и совсем некрасиво. Две коротко стриженные, почти лысые девицы с друзьями, имевшими примерно такую же прическу, импульсивно двигались в такт незамысловатой, но очень тяжелой музыки, словно роботы. За безголосым певцом скептически наблюдал красавец-мальчишка, который вчера с таким пафосом объяснял что-то своим друзьям-неформалам. На нем уже не было пальто, которое так не вязалось с его остальной одеждой. Оно сейчас было накинуто на плечи девушки в кожаном костюме, которая снова сидела рядом с ним и снова влюбленными глазами смотрела на него. Парнишка не очень обращал на подружку внимание, сосредоточив свой взгляд на сцене и изо всех сил делая вид, что ему здесь крайне неинтересно.

Девушка краем глаза заметила взгляд, обращенный в ее сторону, и с вызовом посмотрела на Котову. Лариса выдержала этот взгляд, и девушка в пальто презрительно отвернулась к сцене. Видимо, Лариса была для нее человеком из другого мира и поэтому не представляла никакого интереса. Глаза девушки были накрашены очень густо и вульгарно, сидела она закинув ногу на ногу, как истая эгоистка, куря при этом дешевые сигареты и попивая разбавленный сок с мультивитаминами и красителями. Длинными пальцами девушка перебирала

кожаные пуговицы пальто, накинутого на плечи. Лариса обратила внимание, что одна, самая верхняя, отсутствует, и окончательно убедилась, что пальто действительно сшито из дорогого твида коричневого цвета. Тут девица подняла воротник, спрятав в него золотистую головку в шлеме коротких, как будто мокрых от геля, вьющихся волос.

Лариса перестала наблюдать за группой неформалов, спокойно допила свой кофе и, поднявшись, пошла к выходу. Девушка в пальто проводила ее взглядом, полным чувства собственного превосходства.

Далее Лариса заехала в фотомагазин проявить пленку. По художественным салонам она решила пройтись после того, как сделает более важное дело – позвонит Карташову и попросит его выяснить, что можно, насчет личности Рауфа Амирбекова. По пути она завернула на вокзал и узнала, что поезд Потаково – Тарасов курсирует ежедневно и сегодня поздно вечером снова отправится по своему обычному маршруту. И Лариса надумала подъехать на вокзал примерно за час до отправления поезда, чтобы переговорить с проводниками – может быть, они вспомнят интересующих ее пассажиров и на что-то смогут пролить свет.

Уже из машины, выезжая с привокзальной площади, она позвонила в милицию, Карташову и на сей раз застала его на месте. Лариса не стала тратить время и деньги на разговор о своих нуждах по телефону, а просто предупредила приятеля, что скоро будет в управлении лично.

Рассказ Ларисы о проблемах Буракова и его семьи вызвал скептическую ухмылку подполковника Карташова.

– Похоже, старик чудаковатый, – проговорил он. – Хотя я бы на его месте тоже не стал спокойно смотреть, как дочь живет с каким-то кавказцем. Я наведу справки. И насчет Арифа, и насчет этого Р.О., как его там... А заодно и насчет самого Буракова. Как что-то выясню, сразу перезвоню тебе на сотовый.

– Хорошо, спасибо, – поблагодарила Лариса и пошла к выходу.

* * *

Проводницу того вагона, в котором ехали Вероника и неизвестный пока Амирбеков, Лариса обнаружила в одном из служебных купе поезда, где она с подругой пила чай. Для этого потребовалось добраться до вагонного депо и разыскать нужный состав среди нескольких, стоящих на путях.

Это была женщина лет под пятьдесят с крашенными хной волосами, выбивавшимися из-под форменной шапочки. Усталые глаза были, по-видимому, когда-то томными, а пухлые губы даже сейчас выглядели довольно чувственно. Вероятно, когда-то она была красавицей, а теперь перед Ларисой сидела рыхлая тетка, едва умещающаяся в свою синюю форму. Лариса представилась частным детективом, что произвело на проводницу почти магическое действие. Она как-то сразу подтянулась и попросила подругу выйти.

– Ты уж извини, Нина, мы с тобой потом договорим, тут такое дело...

Нина поспешила удалиться, и Лариса, оставшись с проводницей вдвоем в тесном служебном купе, заговорила об интересующих ее пассажирах поезда.

– Понимаете, две недели назад в вашем вагоне ехали из Потакова до Тарасова мужчина с женщиной. Он азербайджанец лет под тридцать, коротко стриженный, а она – русская, хромает еще слегка.

Проводница тут же выразительно закивала головой:

– Помню, как же их не помнить! Очень она симпатичная, одевается шикарно, я еще обратила внимание, какие у нее часики красивые золотые. Не знаю уж, кто ей их подарил, муж-то не сильно ее любит...

– Какой муж?

– Ну этот, нерусский, который с ней был. Правда, не знаю уж, муж или не муж, фамилии-то разные у них.

– А почему вы решили, что он ее не любит? – Не больно-то он ласков с ней был. А она уж надыхаться на него не могла. Э-э-эх! – женщина сочувственно вздохнула. – Ну понятно, куда ж ей деваться, бедной. Хоть она и интересная из себя, да вот беда – прихрамывает. Нога у нее одна короче другой. Охотников, видно, немного на нее. А он мужик-то видный, видный... На актера из сериала похож. Этого, как его... – Проводница всерьез задумалась. – На врача, двоюродного брата Родриго, который Лусию любит...

К сожалению, Лариса не обладала познаниями в области латиноамериканских сериалов, ей трудно было идентифицировать личность того самого актера и мужчины, что ехал с Вероникой в этом вагоне две недели назад.

– Как же не запомнить-то его, – продолжала тем временем проводница. – Тут же драка была самая настоящая!

– Какая драка?

– Ну, вышел он покурить в тамбур и с каким-то мужиком повздорил. Я уж милицию хотела вызывать, да тут она вступилась, хромоножка эта.

– А из-за чего возник скандал?

– Да мужик один подвыпивший тут был, вот он и ляпнул, что, мол, кроме хромой, больше никто на этого, черного, не позарился. Ну а тот уж чуть его и не прибил. Я, конечно, наорала на этого мужика. Мол, мать твою эдак, на фига в чужую жизнь нос суешь! Вот такие дела... – заключила женщина.

– А как называется сериал, в котором играет актер, похожий на этого мужчину? – спросила Лариса.

– «Неземная любовь», – с придыханием ответила проводница, видимо, вспомнив неземные переживания героев сериала.

Лариса поняла, что больше ей здесь делать нечего. Она поблагодарила проводницу и попрощалась с ней.

Выруливая на улицу, ведущую к дому, Лариса подвела итог разговору. Она получила подтверждение того, что Вероника и некий мужчина-кавказец действительно ехали две недели назад из Потакова в Тарасов. Единственным полезным моментом в рассказе проводницы был лишь тот факт, что мужчина, сопровождавший Веронику, похож на какого-то врача из сериала. Слабое, конечно, сравнение, но все-таки попытаться идентифицировать их можно. Для этого нужно будет сегодня же включить телевизор и посмотреть сериал «Неземная любовь», чтобы понять, похож врач и двоюродный брат Родриго на Арифа Гусейнова или нет.

К Буракову Лариса не поехала, поскольку ехать ей было не с чем – Веронику она не нашла. А выслушивать снова его злобные высказывания по поводу кавказцев и мольбы найти дочь ей совершенно не хотелось. Она, конечно, доведет дело до конца, раз уж взялась, выяснит все, что сможет, насчет Гусейнова и Амирбекова, а также продолжит поиски Вероники. Но желательно без частого общения с отставным полковником.

Дома Лариса сразу же прошла к себе в комнату, достала программу телепередач и, убедившись, что до начала неземного сериала еще час, отправилась на кухню готовить ужин. Заглянувшая к ней Настя спросила, чем мать сегодня побалуует семейство. Лариса пообещала приготовить новое блюдо по рецепту, привезенному из Италии, и на лице девочки появилась довольная улыбка. Она даже присела к столу и стала помогать матери нарезать помидоры тонкими кружками.

Когда ужин был готов, они поели вдвоем, не дожидаясь возвращения Котова – у обеих уже кружилась голова от аромата приготовленного заморского блюда. Затем Лариса, вымыв посуду, прошла к себе в комнату и включила телевизор. Ей пришлось погрузиться в мир «неземной любви» героев минут на двадцать, прежде чем на экране появился пресловутый

врач. Лариса пристально вгляделась. Да, действительно, что-то общее с Арифом в нем было. Но, с другой стороны, на него мог походить и любой другой мужчина с Кавказа, отличавшийся высоким ростом и более-менее смазливymi чертами лица. Так что и тут уверенности до конца у Ларисы не было. Оставалось ждать известий от Карташова.

* * *

А известия не заставили себя долго ждать. Буквально с утра раздался писк мобильного телефона, лежавшего на тумбочке возле кровати.

– Алло, – сонным голосом ответила Лариса.

– Привет, – голос подполковника Карташова звучал бодро и радостно. – Есть интересные новости.

– Валяй, – вяло проговорила Котова.

– Некто Амирбеков Р.О. скорее всего есть проживающий в городе Потаково Амирбеков Рауф Осман оглы, который исчез около двух месяцев назад. В милиции имеется заявление от его супруги Амирбековой... э-э-э... На-за-кят. Но потаковские менты его до сих пор не нашли.

– Понятно, – протянула Лариса, не до конца отошедшая ото сна. – А что с Арифом Гусейновым?

– Про такого в нашей картотеке вообще ничего нет. Что же касается Буракова Павла Андреевича, то, как ты понимаешь, он ни в каких криминальных делах не фигурировал. Это я уже выяснял по своим, так сказать, неофициальным каналам. Человек заслуженный, уважаемый, имеет достойное армейское прошлое, вышел в отставку и занялся бизнесом. Все.

– Понятно, – еще раз повторила Лариса. – Что ж, это действительно интересная информация, относительно Амирбекова... Послушай, а ты не можешь как-то связаться с Азербайджаном? Может быть, у них есть что-то на Гусейнова?

– Это сложно, – вздохнул Карташов. – Хотя... Есть у меня один знакомый в Баку, дело одно вместе раскрывали в прошлом году, он приезжал сюда. Кстати, хвастался, что у них компьютеризация в министерстве прошла активно – их президент постарался. Попробую связаться.

– Ну а я займусь пока другими делами.

– Успехов в поисках, – коротко пожелал Карташов. – Извини, я сейчас к начальству на доклад, времени разговаривать нет.

Лариса окончательно проснулась. Разговор с Олегом сразу привел ее в боевую готовность. Несмотря на то, что относительно Арифа так ничего и не прояснилось, у Ларисы сложилось впечатление, что Арифа Гусейнова вообще не существует в природе. А вот Рауф Амирбеков...

Глава 3

Итак, ниточка расследования привела Ларису в город Потаково. Здесь проживали родная мать Вероники, а также жена канувшего в неизвестность Рауфа Амирбекова, который вместе с Вероникой ехал на поезде в Тарасов. И первой по плану, намеченному Ларисой, значилась именно жена Рауфа.

Дом Амирбековых находился на окраине этого довольно крупного промышленного города. Только центр его был застроен многоэтажными домами, а остальная часть представляла собой большую деревню – там господствовал частный сектор.

Лариса решительно подошла к железным воротам, скрывавшим вход во двор, и позвонила. Немного погодя дверь открылась, и молодой азербайджанец, хмуро оглядев Ларису, не очень дружелюбно спросил:

– Кого вам надо?

Лариса изобразила на лице приветливую улыбку и представилась частным детективом, занимающимся делом, которое, возможно, связано с исчезновением Рауфа Амирбекова. Парень переварил полученную информацию, помялся и, поскольку, видимо, не в состоянии был сам принять какое-то решение, попросил Ларису подождать на лавочке во дворе, а сам быстрым шагом направился в дом.

Оставшись в одиночестве, Лариса осмотрела владения Амирбековых. Каменное двухэтажное строение было выполнено без особых архитектурных изысков, абсолютно функционально. Дворик чисто подметен, в саду много деревьев, которые благоухали сейчас весенними цветами. Возле будки сидел на цепи и лаял огромный лохматый пес, а из магнитофона стареньких «Жигулей», стоявших с поднятым капотом, лилась заунывная восточная мелодия, которую, вероятно, слушал открывший дверь парень, копясь попутно в двигателе автомобиля.

Через несколько минут из дома вышла смуглая женщина лет двадцати пяти в длинном платье и белом платке на голове. Она судорожно теребила нитку речного жемчуга на груди. Подойдя к Ларисе, она тихо сказала:

– Здравствуйте. Брат сказал, что вы по поводу исчезновения моего мужа. – В голосе этой женщины чувствовался легкий акцент. – Его что, уже нашли?

– Пока нет. Для начала я представлюсь. Котова Лариса Викторовна. Я хотела бы поговорить о вашем супруге и спросить еще кое о чем.

– Давайте пройдем в дом, а то во дворе не совсем удобно, – предложила жена Амирбекова и тоже коротко представилась: – Вообще-то меня зовут Назакят, но вы можете называть меня просто Наза. Так вам будет удобнее.

В большой гостиной Наза мягким жестом указала Ларисе на диван, приглашая сесть. И лишь после того, как Лариса удобно устроилась, сама опустилась на диван с ней рядом, сложив ладони на коленях.

Гостиная Амирбековых была обставлена просто, можно сказать, аскетично: ничего лишнего, много воздуха и скромная чистота. А предметы мебели, которые здесь находились, были добротны, хоть и не супермодны. В этой просторной комнате ощущалось особое обаяние незатейливого уюта. На стенах висели картины. Манера, в которой они были выполнены, сразу напомнила Ларисе тот портрет, над которым при ней работал Ариф Гусейнов на даче у Буракова. Только сюжеты этих полотен были в основном посвящены быту мусульманского Востока.

Кажется, версия Ларисы подтверждалась. А иначе откуда в доме картины, написанные рукой человека, которого она знала как Арифа? Вот, например, портрет мужчины, лицо которого было точной копией лица Арифа Гусейнова. То есть все становилось ясным и понятным: художник Ариф Гусейнов и муж хозяйки дома Рауф Амирбеков, исчезнувший по непонятной причине в неизвестном направлении, – один и тот же человек. Остается выяснить, почему он

оставил свою жену-азербайджанку и закрутил роман с хромоногой русской девушкой Вероникой. А причина должна быть веской, потому что мужчина, которого Лариса видела в Тарасове, на безголового романтика что-то не очень похож.

– Скажите мне, Наза, это портрет Рауфа? – спросила Лариса в лоб.

– Да, это его портрет. Только три года назад, – ответила Назакят.

– А что, он три года назад был полным?

– Да он вообще-то и сейчас не худой, – ответила Назакят.

– Вот как... – протянула Лариса с легким недоумением. Ариф Гусейнов – или все-таки Рауф Амирбеков? – которого она видела, был весьма подтянутым молодым человеком.

– Это Ариф у нас стройный да спортивный, – продолжала тем временем Наза, не замечая удивления Ларисы.

Котова невольно вздрогнула при упоминании знакомого имени.

– А кто такой Ариф? – осторожно спросила она.

– Двоюродный брат Рауфа, он вот эти картины нарисовал, – Наза обвела рукой «картинную галерею».

У Ларисы внутри все будто опустилось. Версия, что Рауф выдает себя за Арифа, лопнула. И только сейчас она вспомнила слова Буракова при первой их встрече: его поставщик, некий Рауф, приютил у себя двоюродного брата, который сидел на его шее. Ну конечно, Рауф! А его двоюродный брат – это Ариф. И значит, Лариса сейчас находится в том самом месте, где познакомились в свое время Вероника и Ариф.

– Матери Арифа и Рауфа – родные сестры, – продолжала Наза, полностью подтверждая последнее предположение Ларисы. – Муж с братом очень похожи. И часто те, кто долго не видел Рауфа, а потом встречал его двоюродного брата, думали, что мой муж так хорошо похудел.

– А можно посмотреть фотографии Рауфа и Арифа? – попросила Лариса.

– Конечно, – ответила Наза. – Я сейчас принесу.

И женщина исчезла в глубине дома. Лариса, оставшись одна, принялась размышлять. Назакят не поинтересовалась, каким делом она занимается, не задала никаких вопросов относительно ее самой. Конечно, это можно списать на извечную покорность восточных женщин, не приученных проявлять инициативу, привыкших скорее отвечать на вопросы, а не задавать их. Но жена Рауфа не производила впечатления забитой и дремучей женщины Востока. Тем более что она уже давно жила в России.

И Лариса сделала предварительный вывод, что либо Назакят давным-давно все известно и она по какой-то причине покрывает мужа, возможно, затеяв какую-то игру вместе с Рауфом, либо... творится вообще что-то непонятное. И Лариса решила пока послушать женщину, все, что она будет рассказывать, не переходя раньше времени к главным своим вопросам. Она надеялась, что найдет в словах Назы какое-нибудь несоответствие и тогда уже сможет действовать по-другому.

Вскоре Назакят вернулась, держа в руках фотоальбом. Присев рядом с Ларисой, она стала перелистывать страницу за страницей, а Котова слушала ее тихий, убаюкивающе журчащий голос.

– Это они в детстве. Посмотрите, совсем не отличишь! Конечно, Рауф тогда не был таким любителем плотно поесть, как сейчас. Хотя он мне говорит, что это я виновата.

– То есть?

– Вкусно готовлю, ему очень нравится, – несколько оживилась Наза.

Лариса просмотрела фотографии, где Рауф и Ариф были и вместе, и по отдельности. Вот они школьники, вот постарше... А вот снимок, сделанный, по всей видимости, совсем недавно... Так и есть – в углу есть дата, прошлогодняя. И Лариса сделала вывод, что вряд ли сама смогла бы отличить двоюродных братьев, разве что по габаритам. Но ведь многие люди

легко набирают и теряют вес. И кто в данный момент находится рядом с Вероникой Бураковой, по-прежнему остается загадкой.

Лариса решила уточнить еще один момент:

– Скажите, Наза, если бы Рауфу или Ариффу предстояла проверка документов, может ли так быть, что один воспользовался документами другого и никто бы ничего не заподозрил?

– А вы знаете, они иногда так делают, – кивнула Ларисе Назакят. – Вот совсем недавно Ариф взял самовольно паспорт Рауфа и уехал с ним в Тарасов. Лица у них не отличишь, а Рауф не такой полный был, когда паспорт получал. Да и кто особенно приглядываться будет?

– А как вы обнаружили пропажу паспорта и почему уверены, что его украл Ариф?

– Да он не украл! С чего вы так решили? Просто взял у меня из рук. Объяснил, что уже не раз так делал, когда Рауф был дома, и что тот ему разрешал. Я, конечно, сказала ему, что Рауф вернется, спросит меня, зачем я отдала, и будет недоволен. Но Ариф выхватил паспорт у меня из рук и убежал.

– А почему вы не заявили в милицию об этом? – уточнила Лариса.

– Как же можно, Ариф же нам не чужой!

– А где сейчас паспорт Рауфа, вы не знаете?

– У Арифа, – спокойно ответила Назакят. – Да он не сделает ничего плохого, вернется и отдаст... Просто мне не понравилось, что он без ведома Рауфа так сделал.

– А когда это было? Когда Ариф взял паспорт Рауфа?

– Давно уже, месяца три назад, – подумав, ответила Амирбекова.

– А заявление о пропаже мужа вы к тому времени уже написали?

– Нет, – покачала она головой. – Я думала, что он вернется.

– Хорошо, давайте еще поговорим об Ариффе, – сказала Лариса. Она была знакома с подробностями исчезновения Рауфа из заявления Назакят, которое ей показал Карташов. – Чем он вообще занимался? Чем на жизнь зарабатывал?

– Ой, он нигде не работал. Безответственный, к тому же тяжелого характера человек. Ему только на русской жениться. Уж извините меня, пожалуйста. Он ведь бакинец, а у них там в столице большинство такие бездельники. Даже женщины пьют, курят, сидят в барах...

– А как к нему относился сам Рауф?

– Он жалел его. Ариф только кажется таким сильным, а на самом деле он, наверное, и не может работать. Муж пытался устроить его куда-нибудь. Сначала поваром в шашлычную – ушел, не понравилось... Потом работал барменом. И оттуда ушел через два месяца. Говорил, надоело. А Рауф, между прочим, кормил и поил его. Мы, слава богу, не нуждаемся: мясо свое, сад, огород небольшой. Так что покушать есть всегда. А Ариф чувствовал себя здесь настоящим хозяином. Как падишах жил на всем готовом. Еще и деньги брал у Рауфа. И никогда не отдавал.

– А что же он вообще делал?

– Целыми днями рисовал или занимался на турнике во дворе с моим младшим братом. Ариф больше рисует всяких там воров, тюремщиков, даже стихи такие сочиняет для песен. Но вот эти картины Рауф решил повесить. Пускай, говорит, хоть дом украшают, а то от Арифа проку в хозяйстве никакого. – Наза указательным пальцем показала на полотна и принялась рассказывать о картинах.

Она совершенно отвлеклась от цели визита Ларисы, и Котова снова подумала, что Назакят совершенно не волнует, в принципе, судьба пропавшего мужа. Но по-прежнему не задавала уточняющих вопросов, поддакивая и кивая головой в такт мерно льющейся речи хозяйки, которая все больше и больше напоминала рассказ экскурсовода. Попутно Лариса удовлетворенно отметила про себя, что теперь ей не придется ходить по художественным салонам, выясняя, кто такой Ариф Гусейнов и на самом ли деле он художник.

– ... Вот «Портрет мусульманки». На самом деле это я. Видите, как похоже? Он вообще талантливый... Тем более что он по памяти рисовал. Я позировать отказалась, вернее, Рауф запретил. У нас ведь запрещено рисовать людей. Но Ариф законы не соблюдает, безбожник, одним словом...

– А вы?

– Мы... – вздохнула Назакят. – Мы уже давно здесь живем, Рауф с русскими дружит. Где уж тут Коран чтить? Вот и повесил картины. Вам нравится?

– Действительно хорошо, – согласилась Лариса, еще раз отметив, что у Арифа есть талант, если он сумел разглядеть неброскую красоту этой смуглянки и передать ее на полотне по памяти, причем в необычном ракурсе, на фоне возвышавшейся, как призрак, мечети.

– А вот «Восточная мадонна», а это «Дорога к Аллаху». Я сначала не понимала, что здесь нарисовано – какие-то мелкие картинки. Но Ариф мне объяснил: он так показал, что только через большие трудности и лишения человек может достигнуть бога. А ведь и правда красиво?

Лариса вежливо согласилась. А Назакят увлеклась своей ролью экскурсовода и перешла к следующему полотну. И тут Котова решила прервать ее, вернув к интересующим ее деталям.

– Извините, а почему Ариф пользовался паспортом Рауфа?

– А у него своего нет, – очень просто ответила Назакят, как будто это было вполне нормальным явлением.

– Как нет?

– Он его потерял. А в милицию идти не хочет. Он вообще ментов ненавидит.

– Почему?

– Я толком не знаю. Но у Арифа в Баку были друзья блатные. Он дружил с ворами, с теми, кто с наркотиками связан. Я удивляюсь, как он сам не попал в тюрьму.

– А что, была такая опасность? – заинтересовалась Лариса.

– Нет, я толком не знаю, не могу сказать... Но коли друзья такие, то и до беды недалеко.

Что ж, вроде бы во всех словах Назы не замечалось никакого несоответствия. Ответы ее были логичными и, как показалось Ларисе, искренними. Вела себя Назакят спокойно, невозмутимо, рассказывала о муже и его брате охотно... Но почему же она так спокойно реагирует на исчезновение мужа? Почему не спрашивает в волнении у Ларисы, что уже сделано в этом направлении и нет ли новостей о муже? Почему не уточняет, чем Лариса занимается вообще? То, что женщину не интересует последнее, еще можно списать на восточный менталитет, но вопросы насчет мужа в первую очередь должна задать любая нормальная жена, тем более такая зависимая от него, как азербайджанка Наза.

Лариса очень долго и внимательно слушала Назу, пытаясь понять ее характер. И наконец решила перейти к прямым вопросам.

– Наза, если вы так уверены, что Рауф вернется, почему вы тогда заявили в милицию о его исчезновении?

Назакят опустила глаза. Наступила пауза, и Лариса поняла, что сейчас услышит что-то более интересное, чем то, что она слышала до сих пор.

– Понимаете... – тихо заговорила Амирбекова, – я не знаю, что вы там расследуете, понимаю только, что это как-то связано с Рауфом. И сразу хочу вам сказать – если вы занимаетесь его поисками, то не тратьте время. Я знаю, что он вернется. Он не первый раз исчезает из дома. А написала я заявление только потому, что стала подозревать его в измене. Я думала, что он живет с другой женщиной.

– Почему вы так подумали?

– Он хмурый был последнее время, со мной мало разговаривал, все думал о чем-то, вот мне и показалось... Я видела, что он озабочен чем-то. Он часто уезжал по делам, и я не возражала против этого, потому что он всегда возвращался и привозил деньги, продукты, подарки.

Мне не на что было пожаловаться. И вот это все прекратилось. Он стал кричать, раздражаться, денег стало меньше. И я написала это заявление, чтобы удостовериться, ходит он к другой женщине или нет. Если бы милиция нашла его там, я бы уж точно об этом узнала, и мне было бы чем пристыдить его, а также нашей родне.

– А что, Рауф склонен к загулам на стороне?

Назакят вздохнула.

– Понимаете, у нас принято, что мужчина может себе позволить, скажем так, развлечься. Мы привыкли терпеть и прощать наших мужей. Супруг для нас не как для вас, русских, вроде друга. Он – хозяин! Но... Все прощается до тех пор, пока не угрожает семье. А Рауф очень изменился, и я стала бояться, что он уйдет. Хотя я понимаю, что он не такой человек, как, например, Ариф. Для того вообще не существует таких понятий, как семья. Он и в бога не верит, и вообще человек...

Назакят не закончила фразу, потому что в это время где-то в прихожей зазвонил телефон. Хозяйка дома напряженно прислушалась, встала и вышла из комнаты. Лариса слышала, как она сказала «алло». Затем последовала фраза: «Я его жена», после чего наступила долгая пауза.

– Не верю! – неожиданно сказала Назакят, и снова наступило молчание. – Это не он! Он не мог умереть!

Назакят положила трубку и вдруг разразилась потоком слов и рыданий. Она выкрикивала то ли ругательства, то ли проклятия на азербайджанском языке и начала биться в истерику. Со двора прибежал брат, привлеченный криками сестры. Лариса тоже поспешила в прихожую.

Минут через двадцать убитую горем женщину совместными усилиями Ларисы и молодого азербайджанца привели наконец в относительно нормальное состояние. Она откинулась на спинку кресла и устремила взгляд прямо перед собой.

– Рауф умер, – произнесла она наконец по-русски. – Звонили из милиции.

– Как умер? – вырвалось у Ларисы.

– Они сказали, что нашли труп моего мужа.

Наза снова взялась за телефонную трубку, набрала номер и заговорила по-азербайджански. По всей видимости, она оповещала родственников о случившемся горе. Несчастливая вдова была подавлена после истерики, сил бурно выражать эмоции у нее уже не было, и она только тихо плакала, временами смахивая слезу платком. После того как телефонный разговор был окончен, Наза уставилась перед собой в одну точку.

– Зачем я подавала в розыск? Я же просто так сделала это, чтобы ему было стыдно! Аллах покарал меня! – начала она бормотать спустя некоторое время.

– Успокойся, Наза, ты правильно сделала, что обратилась в милицию, – принялся успокаивать ее брат.

– Где его нашли? – тем временем спросила Лариса.

– На окраине города.

Лицо Назакят исказилось, она снова готова была впасть в истерику, и Лариса поспешила плеснуть в лицо женщины воды из стоявшего рядом кувшина.

– Они могли ошибиться, – вступил в разговор брат.

– Ошибки быть не может, – устало сказала Наза. – При нем были документы, лицензия на право торговли мясом. Они сказали, что мне нужно приехать в морг... Но я никуда не поеду! Не поеду!

Последние слова Наза в отчаянии выкрикнула. Потом она встала, рассеянно прошлась по комнате, пока не оказалась в углу под картиной «Восточная мадонна». На полотне была изображена скорбно поджавшая губы женщина в черном платке на голове, сурово всматривавшаяся в даль.

– Вам все-таки придется поехать...

Эти слова Лариса постаралась произнести как можно мягче.

– Нет! Не хочу смотреть на него такого! – Назакят руками вытирала глаза, размазывая слезы по щекам. – Не хочу видеть его мертвым. Боюсь мертвецов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.